

Махатме Ганди 150 лет

Страницы из автобиографической книги Махатмы Ганди «Мои Опыты с Истинной»

Сборы в Англию

Выпускные экзамены на аттестат зрелости я сдал в 1887 году. Тогда их сдавали в Бомбее и в Ахмадабаде. Нищета, царившая в стране, естественно, вынуждала учащихся Катхиавара ехать в город, расположенный поближе, где прожить можно было дешевле. Скудные средства моей семьи вынудили меня сделать то же самое. Это была моя первая поездка из Раджкота в Ахмадабад, и впервые я ехал один; родители хотели, чтобы, получив аттестат зрелости, я поступил в колледж. Колледжи имелись в Бхавнагаре и Бомбее. Я решил отправиться в Бхавнагар в Самалдасский колледж, так как это было дешевле. Оказавшись в колледже, я совершенно растерялся: мне было очень трудно слушать лекции, не говоря уже о том, чтобы вникать в них. Виноваты были не преподаватели, которые считались первоклассными, а я сам, так как был совершенно не подготовлен. По окончании первого семестра я вернулся домой. Мавджи Даве — умный и ученый брахман — был старым другом и советником нашей семьи. Дружеские отношения с ним сохранились и после смерти отца. Как-то во

время моих каникул он зашел к нам и разговорился с матерью и старшим братом относительно моих занятий. Узнав, что я учусь в Самалдасском колледже, он сказал:

— Времена изменились. Ни один из вас не может рассчитывать на получение пост вашего отца без должного образования. И уже сейчас, когда мальчик еще только учится, вы должны сделать все, чтобы он получил пост. Чтобы стать бакалавром, ему потребуется четыре — пять лет, что принесет ему в лучшем случае место с жалованьем 60 рупий, но не даст пост дивана. Если он, как и мой сын, пойдет по юридической части, ему придется учиться дольше, а к тому времени, когда он кончит, уже будет тьма адвокатов, претендующих на пост дивана. На вашем месте я бы послал его в Англию. Сын мой Кевалрам говорит, что стать адвокатом совсем нетрудно. Через три года он вернется. Расходы не превысят четырех — пяти тысяч рупий. Представьте себе адвоката, вернувшегося из Англии. Он будет жить шикарно! По первой же просьбе он получит пост дивана. Я очень советую послать Мохандаса в Англию в этом году. У Кевалрама там много друзей. Он даст рекомендательные письма к ним, и Мохандас легко там устроится.

Джошиджи — так мы обычно звали старого Мавджи Даве — обратился ко мне и спросил, нисколько не сомневаясь в утвердительном ответе:

— Не правда ли, ты предпочитаешь поехать в Англию, а не учиться здесь?

Ничего лучшего я не мог себе представить. Я изнемогал под бременем своих занятий. Потому я ухватился за это предложение и заявил, что чем скорее меня пошлют, тем лучше. Однако быстро сдать экзамены не так легко. Нельзя ли послать меня на медицинский факультет?

Брат перебил меня:

— Отцу всегда не нравилась эта профессия. Он имел тебя в виду, когда говорил, что вишнуиты не должны заниматься

вскрытием трупов. Отец предназначал тебя для адвокатской карьеры.

Джошиджи вступился:

— Я не возражаю против профессии врача. Наши шастры (священные книги) ничего не имеют против нее. Но диплом врача не сделает из тебя дивана, а я хочу, чтобы ты был диваном и даже кем-нибудь повыше. Тогда ты сможешь обеспечить свою большую семью. Времена быстро меняются, и жить становится с каждым днем труднее. Поэтому самое мудрое — стать адвокатом.

Затем он обратился к матери:

— Мне пора уходить. Взвесьте, пожалуйста, все, что я сказал. Надеюсь, что когда я приду сюда в следующий раз, я услышу о приготовлениях к отъезду в Англию. Дайте мне знать, если понадобится помощь.

Джошиджи ушел, а я принялся строить воздушные замки. Старший брат был сильно обеспокоен. Где найти средства для моей поездки? И можно ли такого юношу, как я, посылать одного за границу?

Мать совсем расстроилась. Ей не хотелось отпускать меня.

— Дядя, — говорила она, — сейчас старший в нашей семье. Нужно прежде всего посоветоваться с ним. Если он согласится, тогда решим.

У брата зародилась другая мысль:

— Правительство Порбандара несколько обязано нам. Правительственный чиновник мистер Лели хорошего мнения о нашей семье и высоко ценит дядю. Возможно, он даст тебе государственную стипендию для обучения в Англии.

Маме это очень понравилось, и я решил съездить в Порбандар. Железной дороги туда в то время еще не было, нужно было ехать пять дней на буйволах. Я уже говорил, что был труслив.

Но желание поехать в Англию настолько овладело мной, что я сумел побороть трусость. Я нанял повозку, запряженную буйволами, до Дораджи, а затем взял верблюда, чтобы добраться до Порбандара на день раньше. Это было мое первое путешествие на верблюде.

Приехав к дяде, я подробно рассказал ему обо всем. Он подумал и сказал:

— Не уверен, что в Англии можно прожить без ущерба для твоей религии. Сомневаюсь в этом на основании того, что мне пришлось наблюдать. Когда я встречаюсь с крупными адвокатами индусами, то не вижу разницы между их образом жизни и образом жизни европейцев. Они неразборчивы в еде и не выпускают изо рта сигару, а одеваются так же бесстыдно, как англичане. Все это не соответствует традициям нашей семьи. Скоро я отправлюсь в паломничество, да и жить мне осталось недолго. Как могу я на пороге смерти дать тебе разрешение ехать в Англию, переплывать моря? Но не хочу быть и помехой. В данном случае важно получить разрешение матери. Если она разрешит — с богом. Скажи ей, что я препятствовать не стану. Ты поедешь с моего благословения.

— Ничего другого я от вас и не ожидал, — сказал я.

— Постарайся теперь убедить мать.

— А не можете ли вы дать мне рекомендательное письмо к мистеру Лели?

— Не могу, — ответил дядя, — но он хороший человек.

Попроси его о стипендии; расскажи, в чем дело. Без сомнения, он поможет тебе.

Не знаю, почему дядя не дал мне рекомендательного письма. Мне кажется, ему не хотелось принимать непосредственное участие в моей поездке, которая была, по его мнению, все же не религиозным делом.

Я написал мистеру Лели, и он пригласил меня в свою резиденцию. Мы встретились в тот момент, когда он поднимался по лестнице. Он коротко сказал:

— Сначала сдайте экзамен на бакалавра, а потом уже приходите ко мне. Не могу вам оказать сейчас никакого содействия, и поспешил дальше.

Я тщательно подготовился к разговору с ним, заучил фразы, которые хотел ему сказать, отвесил низкий поклон и приветствовал его обеими руками. И все оказалось напрасным! Я вспомнил об украшениях жены. Подумал о старшем брате. На него я надеялся больше всего. Он чрезвычайно великодушен и любит меня как сына.

Вернувшись из Порбандара в Раджкот, я рассказал обо всем происшедшем. Поговорил с Джошиджи. Он посоветовал в случае необходимости даже занять у кого-нибудь нужную сумму. Я предложил продать украшения жены — это могло дать от двух до трех тысяч рупий. Брат также обещал достать какую-то сумму.

Мать все еще возражала. Она занялась расспросами об Англии. Кто-то сказал ей, что молодые люди неизменно погибают в Англии; другие говорили, что там привыкают есть мясо; третьи — что там невозможно жить без спиртных напитков.

— Как же быть со всем этим? — спросила она меня.

Я сказал:

— Ты веришь мне? Я не буду тебе лгать. Клянусь, что никогда не притронусь ко всему этому. Неужели Джошиджи отпустил бы меня, если бы мне грозила какая-нибудь опасность?

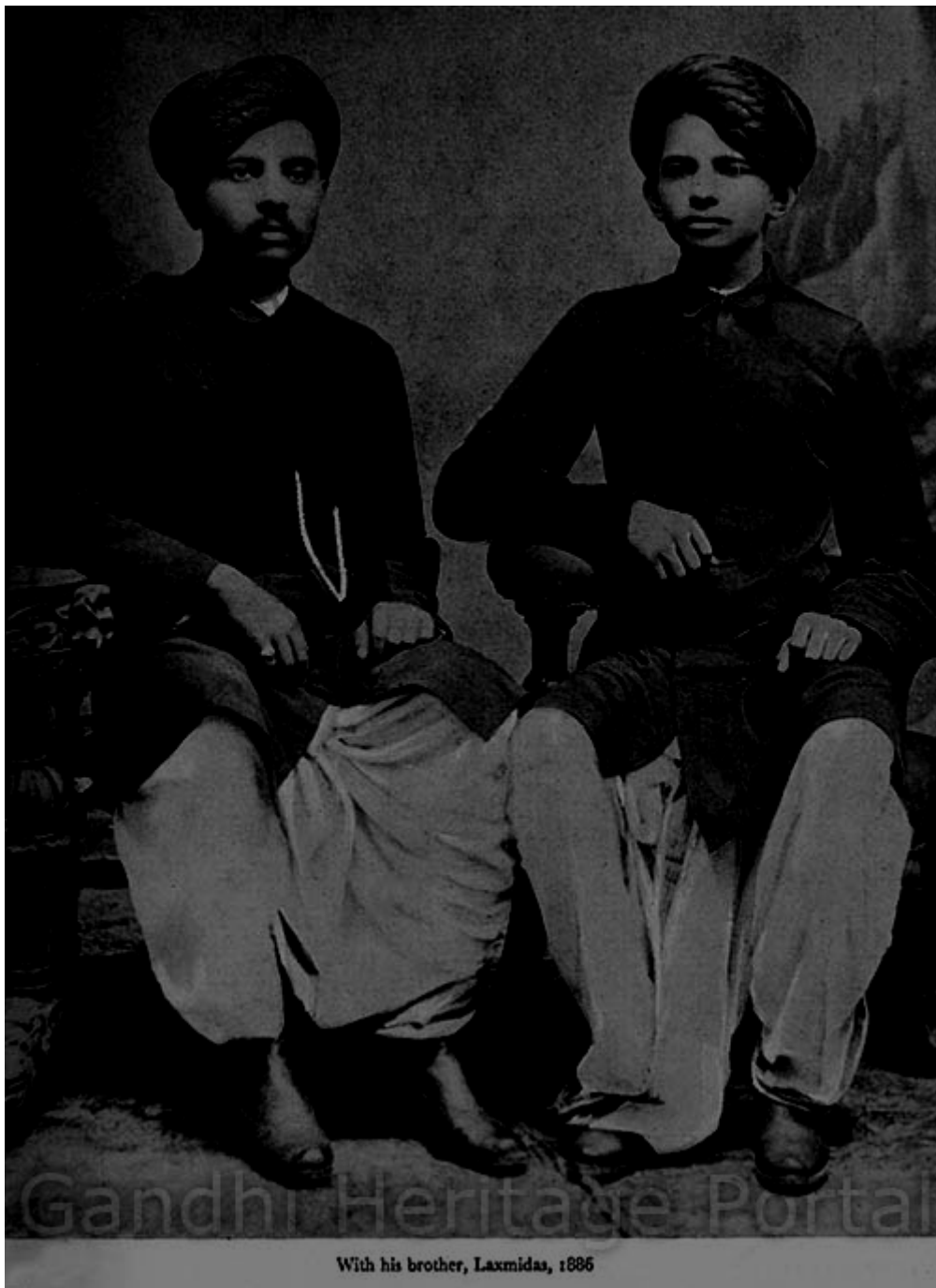
— Сейчас я верю тебе, — сказала она. Но как верить тебе, когда ты будешь так далеко? Не знаю, что и делать. Спрошу Бечарджи Свами.

Бечарджи Свами прежде принадлежал к касте модбания, но потом стал монахом джайном. Он был, как и Джошиджи, советником нашей семьи. Он пришел мне на помощь, сказав матери:

—Я возьму с мальчика три торжественных обета, и его можно будет отпустить.

Он приготовил все для обряда, и я поклялся не дотрагиваться до вина, женщин и мяса. После этого мать дала разрешение. Школа устроила мне проводы. Молодой человек из Раджкота, отправляющийся в Англию, представлял собой необычное явление. Дома я написал несколько слов благодарности. но на торжественных проводах еле пролепетал их. Помню, что у меня закружилась голова и я весь дрожал, стоя перед провожавшими и читая слова благодарности.

Со

старшим братом Лакшмидас (слева) в годы учёбы в Самладс Колледже

Напутствуемый благословениями близких, я выехал в Бомбей. Это была моя первая поездка туда. Со мной ехал брат. Но не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. В Бомбее нам предстояло столкнуться с некоторыми трудностями.

ИЗГОЙ

Получив разрешение и благословение матери, я уехал с радостным чувством, оставив дома жену с грудным ребенком. Но по прибытии в Бомбей тамошние наши друзья стали говорить брату, что в июне и июле в Индийском океане бывают бури и что, поскольку я отправляюсь в морское путешествие впервые, не следует пускаться в плавание раньше ноября. Кто-то рассказал, как во время последнего шторма затонул пароход. Брат был встревожен всем услышанным и отказался сразу отпустить меня. Он оставил меня у своего приятеля в Бомбее, а сам вернулся в Раджкот, предварительно заручившись обещанием друзей оказать мне в случае необходимости поддержку; деньги же, ассигнованные на мое путешествие, отдал на хранение зятю.

В Бомбее дни тянулись для меня мучительно медленно.

Я все время мечтал о поездке в Англию.

Между тем представители моей касты всполошились. Ни один модбания не бывал в Англии, а если я осмелился на это, меня следовало призвать к ответу. Созвали общее собрание касты и вызвали меня. Я пошел. Сам не знаю, откуда у меня взялась такая смелость. Без страха и сомнений появился я на собрании. Шет — глава общины, находившийся со мной в отдаленном родстве и бывший в очень хороших отношениях с моим отцом, заявил мне:

—Каста осуждает ваше намерение ехать в Англию. Наша религия запрещает путешествия за границу. Кроме того, мы слышали, что там невозможно жить, не нарушая заветов нашей веры. Там надо будет есть и пить вместе с европейцами!

Я ответил:

—Не думаю, чтобы поездка в Англию противоречила заветам нашей религии. Я хочу поехать, чтобы продолжить образование. И я торжественно обещал матери воздерживаться

от трех вещей, которых вы больше всего боитесь. Уверен, что этот обет защитит меня.

— Но мы утверждаем,— сказал шет, — что там невозможно не изменить своей религии. Вы знаете, в каких отношениях я был с вашим отцом, и потому должны послушаться моих советов.

— Я знаю об этих отношениях, к тому же вы старше меня. Но ничего не могу поделать. Я не могу отказаться от своего решения ехать. Друг и советчик отца, ученый брахман, не видит ничего дурного в моей поездке в Англию. Брат и мать также дали мне разрешение.

— Вы осмеливаетесь не повиноваться распоряжениям касты?

— Я ничего не могу поделать. Мне кажется, что касте не следует вмешиваться в это дело.

Шет был разгневан и отругал меня. Я сидел неподвижно.

Тогда Шет произнес свой приговор:

— С сегодняшнего дня юноша этот считается вне касты.

Кто окажет ему помощь или пойдет провожать на пристань будет оштрафован на одну рупию четыре ана.

Приговор не произвел на меня никакого впечатления, и я спокойно простился с Шетом. Меня интересовало лишь одно — как воспримет это брат. К счастью, он остался тверд и написал мне, что, несмотря на распоряжение шета, разрешает мне ехать.

Событие это усилило мое желание уехать поскорее. А вдруг им удастся оказать давление на брата? Вдруг случится что-нибудь непредвиденное? Однажды в самый разгар волнений я узнал, что адвокат из Джунагарха, едет в Англию пароходом, уходящим 4 сентября. Я зашел к друзьям, которым брат поручил меня. Они согласились, что нельзя упускать такой случай. Времени оставалось мало, и я телеграфировал брату. Он тотчас прислал мне разрешение ехать. Я отправился к зятю за деньгами, но тот, сославшись на решение Шета, заявил, что не может пойти против касты. Тогда я обратился к одному из

друзей нашей семьи с просьбой дать мне денег на проезд и другие расходы, а брат возместит ему эту сумму. Наш друг не только удовлетворил мою просьбу, но и всячески ободрил меня. Я был ему очень благодарен. Часть денег я тут же истратил на билет. Затем мне предстояло приобрести соответствующую одежду для дороги. По этой части специалистом оказался другой мой приятель. Он купил мне все необходимое. Одни принадлежности европейской одежды мне нравились, другие нет. Галстук, приводивший меня впоследствии в восторг, в первый момент вызвал во мне настоящее отвращение. Короткий пиджак показался неприличным. Но все это были пустяки по сравнению с желанием ехать в Англию. Я запасся также достаточным количеством провианта на дорогу. Друзья забронировали мне место в той же каюте, в которой ехал адвокат Трьямбакрай Мазмудар из Джунагарха, и просили его присмотреть за мной. Он был человеком опытным, средних лет, знавшим свет, а я — совершенно неопытным восемнадцатилетним мальчишкой. Адвокат заверил моих друзей, что они могут быть спокойны за меня. Наконец, 4 сентября я покинул Бомбей. (продолжение следует)